

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-1-134-143

EDN: CCUJJV

Научная статья / Research article

Скрытый билингвизм в прозе Фазиля Искандера

М.В. Битокова , А.С. Канкулова

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Российская Федерация, Кабардино-Балкарская Республика,
Нальчик, 360004, ул. Чернышевского, 173

 mariebitok@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются особенности проявления билингвизма Фазиля Искандера в произведениях «Сандро из Чегема» и «Софичка». Они выбраны в качестве основного материала исследования, поскольку представляют собой наиболее полный «абхазский» метатекст писателя: действие происходит в Абхазии, предметом изображения часто становятся не только народные типы характеров, но и традиционный уклад жизни, народные обычаи и обряды. Такое погружение в культурный контекст не может обойтись без языкового переключения, которое обеспечивает эффект подлинности. Актуальность такого исследования продиктована не только неослабевающим интересом современных гуманитарных наук к феномену поли- и билингвизма, но и необходимостью атрибутирования и глубокого научного осмысления творчества русского писателя ирано-абхазского происхождения. Целью нашего исследования является выявление «механизмов билингвизма» в творчестве Фазиля Искандера. Его двуязычие, обусловленное фактом рождения в национальной республике и воспитания в русскоязычной среде, отразилось на языковых особенностях созданных им произведений. К этим особенностям относятся калькированные речевые формулы и этикетные фразы, специфика номинологии (в частности, прозвища, которые использует писатель), традиции абхазского устного красноречия. Все это помогает Искандеру наполнить роман и циклы рассказов поэтическим отношением к изображенной идиллии народной жизни, с другой же стороны, решает множество прагматических писательских задач. Результатом настоящей статьи можно считать определение особенностей двуязычия Фазиля Искандера, которое проявляется на различных уровнях — фонетическом, словообразовательном, синтаксическом, а также в ориентации на традиции абхазского устного рассказа и особенности традиционного красноречия.

Ключевые слова: билингвизм, транслингвизм, многоязычие, текст, Абхазия, Фазиль Искандер, абхазский язык, русский язык, лингвокультура, речевой этикет.

История статьи: поступила в редакцию 11.12.2023; принята к печати 07.01.2024.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: *Битокова М.В.* — разработка концепции и отбор материала, анализ полученных результатов; *Канкулова А.С.* — организационные вопросы и оформление статьи.

© Битокова М.В., Канкулова А.С., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Благодарности: авторы выражают благодарность преподавателю кафедры абхазского языка Абхазского государственного университета Алхасу Капш за консультации по лингвистическим вопросам.

Для цитирования: Битокова М.В., Канкулова А.С. Скрытый билингвизм в прозе Фазиля Искандера // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 1. С. 134–143. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-1-134-143>

Implicit Bilingualism in the Prose of Fazil Iskander

Marina. V. Bitokova , Arina S. Kankulova

Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov,
173 Chrenyshevskiy St, Nalchik, 360004, Kabardino-Balkarian Republic, Russian Federation

 mariebitok@gmail.com

Abstract. The study examines the peculiarities of the manifestation of Fazil Iskander’s bilingualism in the works “Sandro of Chegem”, “Childhood of Chik” and “Sofichka”. They were chosen as the main research material because they represent the most complete “Abkhazian” meta-text of the writer: the action takes place in Abkhazia, the subject of the image is often not only folk types of character, but also the traditional way of life, folk customs and rituals. Such immersion in the cultural context cannot do without language switching, which provides the effect of authenticity. The relevance of such research is dictated not only by the relentless interest of modern humanities in the phenomenon of poly- and bilingualism, but also by the need to attribute the work of the Russian writer of Iranian-Abkhaz origin: simultaneously with the popularity of his works and the reader’s interest in them, there is a shortage of scientific understanding of Iskander’s creative heritage. The purpose of our research is the peculiarities of the mechanisms of bilingualism in the work of Fazil Iskander. His bilingualism, due to the fact of his birth in the national republic and upbringing in a Russian-speaking environment, was reflected in the linguistic features of the works he created. These features include calcified speech formulas and etiquette phrases, the specifics of nomenclature (in particular, the nicknames that the writer uses), the traditions of Abkhazian oral eloquence. All these ways help Iskander to fill the novel and the cycles of stories with a poetic attitude to the depicted idyll of folk life, on the other hand, solves a lot of pragmatic writing tasks. The result of this article can be considered the definition of the peculiarities of Fazil Iskander’s bilingualism, which manifests itself at various levels — phonetic, word-formation, syntactic, as well as in orientation to the traditions of the Abkhaz oral narrative, the features of traditional eloquence.

Key words: bilingualism, translanguaging, multilingualism, text, Abkhazia, Fazil Iskander, Abkhazian language, Russian language, linguistic culture, speech etiquette

Article history: received 11.12.2023; accepted 07.01.2024

Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interest.

Authors’ contribution: *Bitokova M.V.* — development of the concept and selection of material, analysis of the obtained results; *Kankulova A.S.* — organizational issues and design of the article.

Acknowledgements. The authors express their gratitude to the teacher of the Department of the Abkhazian Language of the Abkhazian State University, Alkhas Kapsh, for consultations on linguistic issues.

For citation: Bitokova, M.V., and A.S. Kankulova. 2024. “Implicit bilingualism in the prose of Fazil Iskander.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (1), 134–143. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-1-134-143>

Введение

Имя писателя Фазиля Искандера стало широко известно в Советском Союзе в 1966 году — именно тогда в «Новом мире» вышла его повесть «Созвездие Козлотура», в которой многие увидели сатиру на преобразования в сфере сельского хозяйства хрущевского периода. Дальнейшая творческая судьба писателя складывалась довольно сложно: было противостояние с официальной цензурой, участие в неподцензурном альманахе «Метрополь», трудности с изданием полного текста романа «Сандро из Чегема». Но можно сказать, что, несмотря на все эти перипетии, именно дебютное произведение определило основные тенденции искандеровского творчества. Во-первых, это сатира, которая, по словам самого писателя, представляет собой результат оскорбленной любви к человечеству, а во-вторых, произведение сосредоточено на изображении абхазской жизни — традиционного уклада бытия и современных для Искандера реалий, зачастую иллюстрирующих разложение и забвение животворящей традиции.

Многие критики и писатели-современники (А. Битов, А. Генис) отмечали в качестве главной заслуги Искандера именно то, что он нанес на мировую литературную карту новую точку — Абхазию, раскрыл «значительность эпического существования маленького народа» (Новая газета, 06.03.2009 г.). И помимо объективных «приемов» такой писательской сверхзадачи, как то: сюжет, бытовые зарисовки, описание обрядов и обычаев и т.д., Искандер пользуется и менее очевидными способами воссоздания картины народной жизни — через речевой портрет героя, например, или введение в словесную ткань произведения непривычных для русскоязычного уха слов и синтаксических конструкций.

Как отмечает Д.К. Чачхалия, «плазмой творчества» писателя является: «Острое наблюдение за всем поведением и обликом „сельских шутников и балагуров“, восприятие их своеобразия, живое внимание к манере их речи, по слову самого Фазиля Абдуловича, оказывается „кровеносной связью с корнями“...» [11. С. 69].

На каком языке пишет Фазиль Искандер?

Советская критика иногда относила писателя к категории русскоязычных писателей, но сегодня от такого атрибутирования практически отказались: Искандер — русский писатель. Но его национальная идентичность довольно ярко проявляется в различных формах, на что указывает и исследователь его творчества Н.Б. Иванова: «Фазиль Искандер в большую русскую

литературу... принёс Кавказ от своего лица на прекрасном русском языке. Кавказ стал субъектом русской словесности» [1. С. 8].

Искандер не раз в интервью, давая определение своему месту в литературе использовал формулировку «русский писатель, но певец Абхазии», и это метафорически объясняет феномен транскультурных практик в творчестве билингов: «Литература, созданная этнически нерусскими авторами на русском языке, бесспорно, транслингвальна и шире — транскультурна... Вероятно, что каждая языковая биография расскажет нам о явлении транслингвизма больше, чем абстрактные теории и модели» [2. С. 270–271].

Причинами такого языкового переключения или сдвига, по мнению Г.Т. Хухуни и И.И. Валуйцевой, могут быть различные факторы. Но довольно часто это включение иной культуры в другую, часто более яркую или обширную через язык последней: «Если говорить о „внутригосударственном“ авторском билингвизме, когда писатель принадлежит к этносу, язык которого в данном государстве не является доминирующим (например, соотношение русского языка с другими языками народов, образующих Российскую Федерацию), то одной из наиболее естественных и очевидных причин может стать потребность расширить читательскую аудиторию, обратившись к идиому, понятному на всей территории данной страны. В этом случае возможно как языковое переключение (творчество на „местном“ идиоме, предназначенное, главным образом, для „своих“ читателей, наряду с произведениями, рассчитанными уже на иную читательскую аудиторию), так и изначальный языковой сдвиг, при котором все творчество протекает на языке, который... отличается от первого (родного) языка» [3. С. 229].

На абхазском языке Искандер никогда не писал, но известно, что сам он был двуязычным, и, более того, первым, родным языком был для него абхазский, а не русский. Это делает рассмотрение языковой специфики его прозы особенно интересным: такие авторы-билингвы обогащают не только художественное пространство собственного метатекста, но и создают условия для важного кросскультурного взаимодействия. То есть становятся, по наблюдению У.М. Бахтикиреевой и Б.Е. Шагимгереевой, своеобразными медиаторами: «„Перекрестное опыление“ культур в одном социуме обуславливает формирование особого типа личности — билингвальной, поликультурной творческой, или так называемой маргинальной личности, воспринимающей культуру своего народа извне и снаружи, а значит, более стереоскопичным зрением и более объемным мышлением, чем монолингв» [4. С. 87].

Искандер не стремится к экзотичности, к «завлеканию» в свой текст читателя, его основная цель — «вылепить заново» [10. С. 5] мир своего детства, уходящей патриархальной Абхазии. У этой основной задачи появляются и сопутствующие, например, показать тектонический культурный разлом, обозначившийся в XX веке, уход от традиции и обнищание национального характера.

Особенности билингвизма Искандера

Феномен русскоязычной — трансязычной литературы, имеющий свое начало в литературных тенденциях и трендах советского периода, сегодня переживает второй пик популярности: такие авторы, как Канта Ибрагимов, Гузель Яхина, Наринэ Абгарян, во многих своих проявлениях продолжают традиции предшествующих поколений русскоязычных писателей. Как отмечают исследователи, «единого подхода к толкованию транслингвизма на сегодня нет. „Общим местом“ у ряда исследователей остается лишь то, что художественный транслингвизм всегда предполагает переход писателя от одной лингвосистемы к другой, не являющейся для него этнически первичной. Но даже в этом случае оценки феномена полярны: от вынужденной необходимости до способа преодолеть замкнутость монолингвального мышления, от экономической валидности продукта до попытки создать мир культурного и языкового многообразия» [2. С. 269]. Если говорить о речевом вкраплении родного языка в текст повествования, то проявляется это почти всегда в использовании названий предметов быта и одежды (например, в романе «Зулейха открывает глаза» Г. Яхиной довольно часто используются слова *каплау* — *покрывало* или *кульмэк* — *платье, рубаха*, для таких терминов в конце книги даже приведен небольшой «словарь татарских слов и выражений» [5. С. 505]), или в традиционных формах обращений к членам семьи (как в рассказах сборника «Люди, которые всегда со мной» Н. Абгарян: *нани* — бабушка, *джан* — ласковое или уважительное обращение [6]). Канта Ибрагимов в качестве названия своего последнего романа использует слово «*Маршал*», которое в чеченском языке означает «свобода» и может использоваться в качестве приветствия, благопожелания, а кроме того, именно так называется национальный мужской сольный танец [7. С. 2].

Так вот подобных «экзотических» элементов лишен текст Фазиля Искандера: писатель минимально пользуется названиями утвари, одежды или обращениями, предпочитая находить им русскоязычные эквиваленты (например, «*мамалыжная лопаточка*» вместо «*амхан*»). Безусловно, аутентичная лексика присутствует в тексте романа, но эти случаи представлены практически исключительно словами, которые так или иначе уже адаптированы русским языком (*аджика, тамада, мамалыга, камча*) и обозначают некие предметы и реалии абхазского быта, даже если для этого используются слова не собственно абхазского происхождения. В таком случае читатель не стоит перед необходимостью выяснять значение незнакомого слова или восстанавливать его из контекста.

Поэтому мы и называем билингвизм Фазиля Искандера скрытым, имплицитным: он не демонстративен и применяется писателем филигранно,

работа над языковым оформлением каждого произведения, каждого эпизода ведется довольно тщательно и прагматически осмысленно. Важно ответить на вопрос, насколько проявляется, например, в романе «Сандро из Чегема» абхазский язык и какие механизмы для этого используются Фазилом Искандером. Очевидно, что роман написан по-русски, но настолько ли это бесспорно? И еще важно понять: на каком языке говорят герои романа?

Абхазский язык по-русски: особенности синтаксиса и словообразовательных моделей

Говоря о традиционном укладе жизни абхазской семьи или повествуя о событиях, произошедших в прошлом, Искандер проявляет свое отношение прежде всего через язык: обычно он прибегает к языковым калькам. Особенно в переводах ритуальных и этикетных формул — приветствий, ответов и т.д. Например: «*С радостной встречей!*», или «*Сидите, сидите, стоит ли из-за меня вставать!*» [8. С. 672]. На наш взгляд, таким образом он добивается нескольких целей: во-первых, насколько это возможно, сохраняет целостность этих формул, а во-вторых, максимально приближает читателя к пониманию этнического мировоззрения через такое языковое приближение. Использование писателем метафор и образов (например, образ Нури в «Софичке» [12]) также подчинены этим целям. В данном случае язык становится лупой, увеличивающей незнакомый «шрифт» чужой культуры. Этот процесс сложнее простого «переноса» культуры в пространство иного языка, по определению У.М. Бахтикиреевой и О.А. Валиковой здесь «национальное воображаемое ищет адекватных способов репрезентации в усвоенном языке, в результате чего этот язык не только в определенной степени трансформируется, но и способствует обновлению „говорящей“ через него культуры» [9. С. 57].

Главы, повествующие о современной (на момент написания) Абхазии таким калькированием, не отличаются. Наоборот, чужеродная русская речь, к примеру, бармена Адгура передана дословно — с типичными речевыми ошибками, жаргонными элементами и особенностями синтаксического строения предложений и фраз: «*Сейчас, Зиночка, мозги мне пудрить не надо! Ты знаешь — заказ-маказ я не люблю. Принеси все самое лучшее, что у вас есть, чтобы я с хорошими людьми поужинал, немножко выпил и от души провел время*» [10. С. 754]. Здесь писатель не задается целью вооружить читателя лупой приближения и понимания, его цель не сформировать эмпатическое поле, а скорее через речевой портрет «разоблачить» процесс этнической деградации, персонифицированной в этом конкретном герое.

Встречаются у Искандера и такие случаи языковой кальки, когда прагматическая задача иная: не только приблизить через понимание, но и сохранить колорит, придать тексту резко выраженные этнические черты. В при-

мер можно привести новеллу «Пастух Махаз» из романа «Сандро из Чегема»: когда заглавный герой подходит к милиционеру и произносит фразу: «*Моя резала амагазин ахозяин*» [10. С. 445], становится очевидно, что до сих пор мы читали эту главу на абхазском языке и только сейчас перед нами оказался ее перевод на русский. Такое языковое сальто позволяет Искандеру резко сменить языковые регистры и заставить читателя перейти в режим активного вчитывания в текст и проникновения в языковую стратегию автора. Интересно, что в этой реплике Махаза помимо типичных «ошибок», бросается в глаза специфическая особенность, присущая абхазскому языку: оба существительных начинаются с гласной ‘а’ — префикса начальной формы имени существительного, который, по сути, выполняет функцию определенного артикля.

Этот префикс может отпадать при изменении слова. Для примера можно разобрать некоторые прозвища из «Сандро из Чегема»: *Колчерукий* и *Большеусый*. Автор старается найти в русском языке варианты перевода, максимально близкие по форме к абхазскому варианту, поэтому использует сложные слова, чтобы было соответствие абхазскому языку, в котором есть стремление к выражению смысловых и грамматических значений в максимально сжатой форме, часто в пределах одной словоформы с помощью сложной системы префиксов и суффиксов. При обратном переводе этих прозвищ на абхазский мы получаем Напыхъараць (где анапы — рука, хъараць — короткий, искривленный) и Пацаду (апаца — усы, ду — большой). Как мы видим, префикс «а» отпадает при изменении слов «анапы» и «апаца».

Особенности номинации в произведениях Искандера

С прозвищем «Большеусый» связан еще один нюанс, характеризующий особенности речевого поведения абхаза: для Сталина чегемцы, выбирают просто прозвище. Это могло бы не привлечь нашего внимания, если бы для Ленина они не изобрели довольно витиеватый эвфемизм — *«тот, кто хотел хорошего, но не успел»*. Это яркий пример проявления отношения к объекту речи через языковые формулы: иносказание, сложное определение без называния является проявлением уважения, а прозвище свидетельствует об очевидном пренебрежении к предмету речи.

Вообще с номинацией героев в текстах Искандера дело обстоит особым образом: он не использует традиционные формы приветствия, предпочитая русские кальки, как в вышеприведенных случаях, например, «*дедушка*» вместо абхазских эквивалентов «*даду*» или «*сабду*». При этом имена героев писатель никак не адаптирует для русскоязычного читателя, даже фонетически (например, *Щащико* или *Чунка*). Интересно, что в главе «Умыкание, или Загадка эндурцев» из романа «Сандро из Чегема» Искандер особо обговаривает русское имя главной героини Катя: «Не исключено, что свою... роль сыг-

рало и само имя этой девушки, тогда редкое в наших краях русское имя... Как известно, имя женщины, особенно если это имя носит на себе печать чужого племени, пленяет многих мужчин дополнительной чувственной окраской» [10. С. 450–451]. Эта реплика интересна тем, что здесь происходит зримое переключение регистров: русский писатель смотрит как бы со стороны на особенности национального менталитета, и такое ироничное лингвистическое наблюдение становится возможностью двойной оптики на отношение главного героя Сандро и абхазов вообще к имени девушки, но этот взгляд преломлен через призму писательского взгляда. Таким образом, вроде бы мимолетное замечание становится важной составляющей той самой лупы приближения и познания иной этнокультуры.

Заключение

Для формирования художественного пространства и стилистического своеобразия прозы Фазиля Искандера важными были и традиции абхазской устной речи — повседневной, застольной, публичной и т.д. В романе «Сандро из Чегема» народное красноречие неоднократно оказывается в центре авторского внимания и играет важную роль в сюжетном построении романа и в расстановке смысловых акцентов.

Многоязычие Искандер считал огромным богатством и достоинством людей, о которых он пишет. Так, старый Хабуг — глава Большого дома знал несколько языков и мог изъясняться с любым человеком, которого имел возможность встретить в Абхазии, а Чегем в главе «Харлампо и Деспина» писатель вообще называет Вавилоном: «...Сегодня не слышно греческой и турецкой речи на нашей земле, и душа моя печалится, и слух мой осиротел. Я с детства привык к нашему маленькому Вавилону. Я привык слышать в воздухе родины абхазскую речь, русскую речь, грузинскую речь, мингрельскую речь, армянскую речь, турецкую речь... и теперь, когда из этого сладостного многоголосия, из брызжущего свежестью щебета народов выброшены привычные голоса, нет радости слуху моему, нет упоения воздухом родины!» [10. С. 554].

Особенности речевого поведения абхаза, нюансы этикета — все это находится под пристальным писательским (почти исследовательским) вниманием Фазиля Искандера. Однако ему удается сделать свой текст по-настоящему многоголосым, многоязычным не через формальные очевидные способы, а деликатно вкрапляя в ткань произведения элементы лингвокультуры — иной по отношению к русскому языку, на котором он всю жизнь писал.

Такой завуалированный транслингвизм делает возможным погружение читателя в стихию языковой культуры абхаза и при этом дает ему возмож-

ность оставаться на берегу привычной русской лингвокультуры. В случае с Фазилем Абдуловичем Искандером сложно выделить один главный фактор его трансязыкового перехода, очевидно, здесь имеет место целый ряд причин: на выбор языка оказали влияние и факты биографии писателя (переезд из Абхазии в Москву после окончания школы), и фактор языковой политики в Советском Союзе, и прагматическая задача расширения круга читателей, для чего русский язык подходит превосходно.

Но каковы бы ни были причины и мотивы такого перехода, мы не можем не констатировать, что такой двойной языковой код позволяет писателю значительно расширить свое художественное пространство и не только вовлечь читателя в сферу нового для него языка, но и вооружает его инструментарием для познания и понимания этой неведомой до сих пор сферы.

Список литературы

1. *Иванова Н.Б.* Мир и миф Фазиля Искандера // Вестник Литературного института имени А.М. Горького. 2019. № 4. С. 8–13.
2. *Бахтикиреева У.М., Валикова О.А., Токарева Н.А.* На «Агоре» сегодня: подходы к изучению транслингвальной литературы // Филологические науки. 2021. № 6 (2). С. 263–273. <http://doi.org/10.20339/PhS.6-21.263>
3. *Хухуни Г.Т., Валуцьева И.И.* Билингвальное творчество: языковое переключение или языковой сдвиг? // Филологические науки. 2021. № 6 (2). С. 227–234. <http://doi.org/10.20339/PhS.6-21.227>
4. *Бахтикиреева У.М., Шагимгереева Б.Е.* Языковое бытие творческой личности: Бахыт Каирбеков // «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке». 2020. Т. XVII. Вып. 1. С. 83–90.
5. *Яхина Г.Ш.* Зулейха открывает глаза. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016.
6. *Абгарян Н.* Люди, которые всегда со мной. М.: Издательство АСТ, 2017.
7. *Ибрагимов К.Х.* Маршал. М.: Вече, 2021.
8. *Искандер Ф.А.* Детство Чика. М.: Время, 2007.
9. *Бахтикиреева У.М., Валикова О.А.* Транслингвизм и ревитализация культуры // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8, № 1. С. 57–63. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-1-57-63>
10. *Искандер Ф.* Сандро из Чегема. М.: Эксмо, 2009.
11. *Чачхалиа Д.К.* О прозе Фазиля Искандера в контексте традиций устного абхазского рассказа // Вестник Литературного института имени А.М. Горького. 2019. № 4. С. 68–70.
12. *Искандер Ф.* Софичка // Искандер Ф. О любви. М.: Эксмо, 2010. С. 155–349.

References

1. Ivanova N. 2019. The world and the myth of Fazil Iskander. Bulletin of the Literary Institute named after A.M. Gorky, no. 4, pp. 8–13. (In Russ.).
2. Bakhtikireeva U.M., Valikova O.A., and N.A. Tokareva 2021. At the “Agora” today: approaches to the study of translingual literature. Philological sciences, vol. 6, no. 2, pp. 263–273. (In Russ.). <http://doi.org/10.20339/PhS.6-21.263>

3. Khukhuni G., Valuitseva I. 2021. Bilingual creativity: language switching or language shift? // *Philological sciences*, vol. 6, no. 2, pp. 227–234. (In Russ.). <http://doi.org/10.20339/PhS.6-21.227>
4. Bakhtikireeva U.M., and B.E. Shagimereyeva. 2020. Language Biography of a Creative Personality: Bakhyt Kairbekov. *Social and humanitarian sciences in the Far East XVII*, no. 1, pp. 83–90. (In Russ.).
5. Yakhina G.Sh. 2016. *Zuleikha Opens Her Eyes*. Moscow: AST Publ.: Elena Shubina. Print. (In Russ.).
6. Abgaran N. 2017. *People who are always with me*. Moscow: AST Publ. Print. (In Russ.).
7. Ibragimov K.H. 2021. *Marshal*. Moscow: Veche. Print. (In Russ.).
8. Iskander F. 2007. *Chick's childhood*. Moscow: Time Publ. Print. (In Russ.).
9. Bakhtikireeva U.M., and O.A., Valikova. 2017. Translingualism and revitalization of culture. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 8, no. 1, pp. 57–63. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-1-57-63>.
10. Iskander F. 2009. *Sandro of Chegem*. Moscow: Exmo Publ. Print. (In Russ.).
11. Chachhalia D. K. 2019. About the prose of Fazil Iskander in the context of the traditions of the oral Abkhazian story. *Bulletin of the Literary Institute named after A.M. Gorky*, no. 4, pp. 68–70. (In Russ.).
12. Iskander F. 2010. *Sofichka*. In Iskander F. *About Love*. Moscow: Exmo Publ., pp. 155–349. Print. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Битокова Марина Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литератур, Кабардино-Балкарский государственный университет. e-Library SPIN-код: 3030-9132; ORCID: 0000-0001-6928-3115; E-mail: mariebitok@gmail.com

Канкулова Арина Сафарбиевна — аспирант кафедры русской и зарубежной литератур, Кабардино-Балкарский государственный университет. e-Library SPIN-код: 7161-1397; ORCID: 0000-0002-2994-4166; E-mail: shans11@list.ru

Bio notes:

Marina V. Bitokova is a Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov. e-Library SPIN-code: 3030-9132; ORCID: 0000-0001-6928-3115; E-mail: mariebitok@gmail.com

Arina S. Kankulova is a Postgraduate Student of the Department of Russian and Foreign Literature, Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov. e-Library SPIN-code: 7161-1397; ORCID: 0000-0002-2994-4166; E-mail: shans11@list.ru